

*В. А. Перминова**

«Обновление» памяти об антияпонской войне в Китае и её влияние на отношения между Пекином и Токио в 90-е гг. XX века

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей восприятия китайцами событий антияпонской войны, роли политико-экономических факторов, а также государства и негосударственных акторов в «обновлении» памяти о войне в Китае в 1990-е гг. и самом начале 2000-х. В работе исследуется влияние исторической памяти на отношения между Пекином и Токио в период реализации политики «патриотического воспитания» китайской молодёжи, когда был отмечен значительный рост националистических и антияпонских настроений в КНР.

Ключевые слова: Китай, Япония, японо-китайские отношения, вопросы исторического прошлого, «патриотическое воспитание», международные отношения

*Vera A. Perminova***

“New Remembering” of the War of Resistance in China and its Influence on Relations Between Beijing and Tokyo in 1990s

Abstract. The article deals with the approaches to interpreting China's war of resistance against Japan in the Chinese society, including the role of economic and political factors and state and non-government actors in “renewing” collective memory in China at the end of the XX and in the early XXI century. The author analyzes influence of historical memory on the relations between Beijing and Tokyo during the realization of “patriotic education” in China when nationalistic and anti-Japanese sentiments took place.

* *Перминова Вера Александровна*, канд. ист. наук, научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), verger177@yandex.ru

** *Perminova Vera Alexandrovna*, Ph. D. (History), Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), verger177@yandex.ru

© Перминова В. А., 2023; © ФГБУН ИВ РАН 2023

Keywords: China, Japan, Sino-Japanese relations, problems of historical past, “patriotic education”, international affairs

Проблемы исторического прошлого являются одним из важнейших факторов, осложняющих японо-китайские отношения на протяжении последних десятилетий. Вопросы, связанные с интерпретацией событий Второй мировой войны и, в частности, японо-китайской войны 1937–1945 гг., всё ещё остаются весьма болезненными для КНР. Призывы к Токио признать ответственность за агрессию и военные преступления Японской империи в Азии в первой половине XX в. то приглушаются на волне улучшения японо-китайских отношений, то вновь актуализируются, повышая уровень напряженности двусторонних отношений до критического. Такие сложные взаимоотношения обусловлены не только политическими и экономическими факторами, но и особенностями сложившейся у народов этих двух стран исторической памяти о военных событиях прошлого.

На формирование коллективной памяти о войне в китайском обществе повлияла, с одной стороны, особая внешнеполитическая ситуация, сложившаяся после окончания Второй мировой войны, – разделение мира на два противоборствующих блока – и, с другой стороны, политика властей, направленная на скорейшее восстановление торгово-экономических связей с Японией¹. Вплоть до 1980-х годов вопросы исторического прошлого были намеренно «приглушены» китайскими властями, чтобы они не препятствовали развитию двустороннего сотрудничества и не стали помехой в нормализации отношений между Пекином и Токио в 1972 г. Вместе с тем даже после восстановления дипломатических отношений окончательного примирения между странами и восстановления доверия друг к другу так и не произошло. В условиях меняющейся международной политической обстановки и в процессе изменения экономической роли этих стран в азиатском регионе нерешенные проблемы исторического прошлого стали чаще появляться на повестке японо-китайских отношений. Если до 1990-х гг. вопросы истории были

¹ Подробнее о формировании коллективной памяти о войне сопротивления в КНР в 1950–70-е гг. см.: [Перминова 2021].

в тени более насущных проблем того времени (в частности, «советской угрозы»), то по мере того, как дискурс «холодной войны» терял свою актуальность, память о войне и связанные с ней противоречия в двусторонних отношениях стали проявляться всё чётче.

Статья посвящена изучению особенностей восприятия китайцами событий антияпонской войны, роли политико-экономических факторов, а также государства и негосударственных акторов в «обновлении» памяти о войне в Китае в 1990-е гг. и самом начале 2000-х (до вступления Ху Цзиньтао 胡锦涛 в должность председателя КНР в 2003 г.). В работе исследуется влияние исторической памяти на отношения между Пекином и Токио в период реализации курса на усиленное «патриотическое воспитание» китайской молодёжи, когда был отмечен значительный рост националистических и антияпонских настроений в КНР. Именно в этот период проблемы исторического прошлого превратились в серьёзный фактор во взаимодействии между странами, который стал принципиальным образом сказываться на выстраивании политического диалога и впоследствии (к началу XXI в.) привел к осложнению тесных торгово-экономических связей между Китаем и Японией. Лишь с приходом к власти Ху Цзиньтао была предпринята попытка «гармонизации» отношений с Токио, когда принципиальная позиция китайской стороны по поводу трактовки военных событий на некоторое время сменилась более гибким подходом, направленным на «преодоление проблем прошлого»².

В данной статье мы ограничимся рассмотрением коллективной памяти о войне, характерной лишь для материковой части Китая, оставив «за скобками» восприятие военных событий жителями Тайваня, находившегося под колониальным управлением Японской империи с 1895 по 1945 гг. Проблема исторической памяти на Тайване заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку подходы к оценке колониального прошлого и внешней политики Японии в годы войны, распространённые на острове, значительно отличаются от тех, что приняты в материковом Китае.

² Подробнее о влиянии проблем исторического прошлого на японо-китайские отношения в XXI в. см.: [Перминова 2020].

Тайвань в силу ряда факторов до сих пор остается единственным регионом, где не принято акцентировать внимание на негативных сторонах колониального периода³.

Актуализация проблем исторического прошлого в 90-е гг. XX века

На появление проблем исторического прошлого на международной повестке в 1990-е гг. повлиял ряд факторов, в числе которых важное место занимает внешнеполитический – это окончание «холодной войны» и связанная с этим неопределённость в системе безопасности стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В отношении Японии этот период связан с укреплением военно-стратегических связей с США, со стремлением играть на международной арене более активную политическую роль, соответствующую её экономическому развитию, намерением избавиться от «синдрома проигравшей нации» и построить более тесные отношения со своими соседями, не будучи обремененной виной за события прошлого. Именно политический аспект во взаимодействии со странами, подвергшимися агрессии со стороны Японии в годы войны, вышел на передний план с началом поиска Токио своей новой глобальной роли в 1990-х гг. Как указывает Д. В. Стрельцов, в период «холодной войны» японская экономика была в основном ориентирована не на региональные связи внутри АТР, а на глобальные экономические отношения – в первую очередь на рынок США [Стрельцов 2022, с. 211]. В этот период Токио менее всего нуждался в политическом примирении с азиатскими странами, поскольку мог поддерживать с ними экономические связи, не прибегая к каким-либо политическим заявлениям и к серьёзному переосмыслению событий прошлого. Пассивности в вопросе примирения с соседними странами способствовала и внутривнутриполитическая обстановка. Либерально-демократическая партия Японии, находившаяся у власти на протяжении нескольких десятилетий, выработала особый подход к решению проблем, связанных с наследием военных лет, –

³ Подробнее об исторической памяти на Тайване и проблемах исторического прошлого в японо-тайваньских отношениях см.: [Перминова 2022].

заклучался в том, что Япония должна сохранить за собой лидерство в Азии, основанное на экономическом и социокультурном превосходстве благодаря успешной адаптации западной модели развития и быстрому преодолению отсталости, характерной для большинства стран азиатского региона. Иными словами, Япония должна была «вернуться» в Азию посредством установления тесных экономических связей и стать локомотивом, который выведет остальные страны региона из состояния отсталости [Стрельцов 2022, с. 210–211]. По сути, эта концепция переключается с идеей построения в Азии Великой сферы процветания⁴, популярной в Японии в начале 1940-х гг., однако лишённой антизападной риторики.

В Китае в это время продолжалась реализация политики «реформ и открытости». Определённые успехи страны в восстановлении экономики позволили многим экспертам предполагать возвышение КНР как экономической державы на рубеже XX–XXI вв. Амбициозные планы Китая и его претензии на региональное лидерство, обусловленные стремительным развитием промышленности и внешней торговли, нашли отклик и в китайском обществе. Испытывая гордость за свою страну в связи с экономическими успехами в 1980–90-х гг., китайские исследователи и СМИ смогли с большей уверенностью заявлять об исторической несправедливости в отношении Китая, апеллируя к событиям военного времени. В ситуации, когда в Японии наметилась тенденция постепенного экономического спада, а в Китае, наоборот, стремительного роста, обе страны претендовали на роль ведущей экономики в регионе и обе чувствовали себя вполне уверенно, чтобы не идти на серьёзный компромисс по отношению друг к другу [Moore 2010, p. 285; Rose 2005, p. 6].

Несмотря на то, что японо-китайские отношения были нормализованы ещё в 1972 г., оставался ряд вопросов, который не затрагивался в период послевоенного урегулирования, однако получил широкую огласку в конце XX-го столетия на фоне меняющейся ситуации в Азии. К числу таких вопросов относится про-

⁴ Великая восточноазиатская сфера процветания (*да дун я гун жун цюань* 大東亜共栄圏) – внешнеполитическая концепция, базирующаяся на идеях панasiatизма, была официально провозглашена в Японской империи в 1940 г.

блема утилизации химического оружия, оставленного японцами в Северо-Восточном Китае (по оценкам китайской стороны было оставлено примерно 2 млн снарядов, по подсчётам японской – не более 700 тыс. [Семин 2008, с. 62]). После того, как в 1997 г. вступила в силу Конвенция о химическом оружии⁵, Япония признала необходимость принятия практических мер по уничтожению этих запасов, однако ввиду сложности процесса утилизации и больших объемов оставленного токсичного вещества была уничтожена лишь часть оставленного химического оружия [Семин 2008, с. 62–63]. Помимо этой проблемы большой резонанс получили новые, ранее мало известные населению факты о проведении опытов с бактериологическим оружием японским отрядом 731 над военнопленными. Особую актуальность приобрели и другие эпизоды японского вторжения в Китай, которые отличались особой жестокостью, в частности Нанкинская резня. На фоне подъёма национального самосознания во многих азиатских странах стали чаще озвучиваться требования компенсаций японской стороной этим странам за ущерб в ходе военной агрессии. В этот же период отмечается повышенное внимание мирового сообщества к защите прав человека и, в частности, прав женщин, что вывело проблему «женщин для утешения»⁶ на международный уровень.

Некоторые учёные характеризуют начало 1990-х гг. как период кардинальных изменений в отношении к событиям прошлого, в частности к наследию Второй мировой войны и истории колониального господства Японии. Произошла «глобализация памяти», которая состояла в том, что многие вопросы исторического прошлого, которые ранее не привлекали внимание мирового сообщества, в последнее десятилетие XX в. вышли на передний план и способствовали актуализации проблемы национального примирения. Одним из факторов актуализации этих вопросов стал рост национального самосознания, вызванный многочисленными этни-

⁵ Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении. Подписана в январе 1993 г., в Японии была ратифицирована в апреле 1997 г.

⁶ «Женщины для утешения» (*вэйань фу* 慰安妇) – женщины, которые были принуждены работать в японских военных борделях (т. н. «станциях для утешения» *вэйань со* 慰安所) в период Второй мировой войны.

ческими конфликтами начала 1990-х гг. (на территории бывшего СССР, Югославии) [Стрельцов 2022, с. 213–214; Dian 2017, р. 88]. Повышенное внимание к тематике Второй мировой войны было вызвано также объединением Германии и принципиальной позицией германского руководства в отношении собственного военного прошлого. Успех Берлина в достижении примирения с соседними странами обусловил ожидания примиренческой линии во внешней политике и от Токио, который, в свою очередь, тоже должен был продемонстрировать критическое переосмысление агрессивных действий страны в военные годы. Морально-этическое измерение во взаимоотношениях между странами в 1990-е гг. стало играть особую роль в японо-китайских отношениях и отношениях этих стран с остальными государствами АТР. В случае с Японией это проявилось в том, что она должна была стать «ответственной державой», «совесть» которой в отношении военного прошлого была бы чиста для того, чтобы претендовать на политическое лидерство [Стрельцов 2022, с. 214]. В случае с Китаем это выразилось в том, что КНР стала позиционировать себя как страну, имеющую моральное превосходство над Японией (в прошлом – агрессором) и обладающую моральным правом претендовать на экономическое лидерство в Азии. Страны, входящие в сферу влияния КНР, в таком случае объединялись бы посредством коллективной памяти о японской агрессии [Denton 2007b, pp. 2–3].

В период либерализации политической и социально-экономической жизни в Китае в 1980–90-е гг. происходило переосмысление собственной истории. Дополнительным фактором, который способствовал такому переосмыслению, стал пересмотр оценок событий Японо-китайской и Второй мировой войны в Японии. В 1980-е гг. произошло два события, инициированные японской стороной, которые стали отправной точкой для роста напряженности в двусторонних отношениях, – это внесение поправок в японские учебники истории в 1982 г.⁷ и визит премьер-министра Накасонэ Ясу-

⁷ В новой редакции учебников содержалась принципиально новая оценка ряда исторических событий, основанная на приукрашивании политики японских властей в 1930–40-е гг. XX в., в частности действия японской армии в период Тихоокеанской войны были названы не «агрессией» (*цзиньлюэ* 侵略), а «продвижением» (*цзиньчю* 進出).

хиро 中曾根康弘 в храм Ясукуни (яп. *Ясукуни-дзиндзя* 靖國神社) в 1985 г.⁸ В ответ на «забвение истории» японской стороной власти Китая стали прилагать усилия, направленные на «восстановление исторической справедливости», что в 1990-е гг. постепенно переросло в полномасштабную кампанию по обновлению всей системы образования в стране, нацеленную на воспитание китайской молодежи в духе патриотизма и гордости за свою страну.

**«Обновление» памяти о войне в КНР в 1990-е гг.:
«виктимизация» Китая и начало
«патриотического воспитания»**

Многие учёные отмечают значительные изменения в образе Китая и китайского народа в период борьбы с японскими захватчиками, который в 1980–90-х гг. стал транслироваться властями посредством СМИ и нового, «патриотически ориентированного» образования [Coble 2007, pp. 402–403; Coble 2011, pp. 396–397; Denton 2007b, pp. 1–3; Gries 2004, pp. 43–45; Mitter 2000, pp. 281–282; Rui 2015, p. 29; Waldron 1996, p. 947; Wang 2012, p. 784]. Ранее, в эпоху Мао Цзэдуна, центральное место в памяти о войне занимал героизм, проявленный китайским народом в борьбе против Гоминьдана и японских агрессоров, а КПК представлялась как главная сила, которая смогла сплотить китайский народ перед внешней угрозой и в итоге одержать победу над коррумпированными и некомпетентными властями Гоминьдана. В этом случае китайская нация представлялась в первую очередь как нация-победитель. Однако несколькими десятилетиями позднее, с конца 1980-х гг. и особенно в 1990-е гг. на передний план вышла «виктимизация» (от англ.

⁸ В синтоистском святилище Ясукуни, как считают японцы, покоятся души воинов, которые отдали свою жизнь за Японию. Китайская сторона считает посещение японскими официальными лицами этого храма проявлением безответственной позиции относительно событий своего военного прошлого, поскольку там почитаются в том числе и те люди, которые были признаны Международным военным трибуналом для Дальнего Востока военными преступниками (в том числе класса «А»).

Визит премьер-министра в Ясукуни был расценен китайской стороной как неуважение к чувствам народов Азии, подвергшихся японской агрессии, ещё и потому, что он состоялся 15 августа – в день, когда в Японии отмечается окончание Второй мировой войны.

victim – «жертва») Китая – образ страны, жители которой представлялись в первую очередь как жертвы агрессии. Ряд исследователей видят в этом явлении прямую связь с идеологией, которая также претерпела изменения в эпоху «реформ и открытости» под руководством Дэн Сяопина [Callahan 2006; Denton 2007b; Waldron 1996; Wang 2012]. Идея классовой борьбы постепенно теряла свою актуальность по мере развития рыночных отношений в китайской экономике, поэтому на смену её должна была прийти не менее значимая для всего народа проблема, которая объединяла бы всех жителей Китая. Этой идеей стала коллективная память о японо-китайской войне. Память о тяжёлых событиях, которые пришлось пережить китайскому народу в военное время (иными словами, «общая травма»), стала мощным фактором, сплотившим население всей страны и создавшим прочную основу для укрепления национального самосознания и формирования «новой китайской идентичности»⁹. Историк Ван Чжэн указывает на прямую связь между исторической памятью и национальным самосознанием, поскольку именно коллективная память о событиях прошлого является основой, на которой формируется чувство принадлежности человека к конкретному обществу и, в более широком смысле, к той или иной нации. Поэтому неслучайно в периоды кризиса самоидентичности (в случае с КНР – кризиса идеологии) общество вновь обращается к собственному прошлому в поисках фундамента, на котором могли бы базироваться новое самосознание и «новая идентичность» [Wang 2012, pp. 785–787]. Определение новой самоидентичности и переосмысление собственного прошлого, в свою очередь, неразрывно связаны с проблемой легитимности власти – в периоды нестабильности, по мнению Ван Чжэна, власть должна консолидировать общество и подтвердить своё право на управление этим обществом [Wang 2012, p. 787]. В случае с Китаем эта проблема стояла особенно остро после разгона демонстраций на площади Тяньаньмэнь 天安门 в 1989 г., когда страна была, казалось, на пороге новой международной изоляции.

⁹ О «виктимизации» Китая и связанным с этим явлением поиском новой самоидентичности см.: [Denton 2007b, pp. 1–2, 6–7; Gries 2004, p. 70; Mitter 2000, pp. 280–281; Rui 2015, p. 29–30; Wang 2012, p. 785].

Важным инструментом консолидации общества стало обновленное историческое образование, которое должно было показать, через какие потрясения и унижения пришлось пройти китайскому народу, прежде чем страна смогла начать своё возрождение после победы коммунистической революции под руководством КПК. Центральной идеей здесь выступала концепция «национального унижения» Китая («века национального унижения»¹⁰), согласно которой все беды и страдания китайского народа, перенесённые им в середине XIX – середине XX в., были обусловлены главным образом иностранным вмешательством. Примечательно, что подобная идея не была популярна в эпоху Мао Цзэдуна¹¹, поскольку главной причиной бедственного («полуколониального и полуфеодалного») положения страны являлась некомпетентность и коррупция властей (цинских правителей и Гоминьдана) [Wang 2012, p. 789]. Теперь же «внешний фактор» переместился на передний план, поэтому главной ролью КПК стало сплочение нации перед внешней опасностью и окончательная победа над иностранными захватчиками, что, наконец, позволило стране получить независимость и положило конец столетнему «национальному унижению». Японо-китайская война 1937–1945 гг. в этом контексте представлялась как один из наиболее тяжёлых эпизодов длительной борьбы с иностранным вмешательством: «Победа в войне [сопротивления] является окончательной точкой в борьбе китайского народа не только против японских захватчиков, она также внесла важный вклад в борьбу против фашизма и стала завершением столетней борьбы Китая с иностранным вмешательством. Война положила конец столетнему унижению Китая, после чего стало возможно возрождение китайской нации» [Цзю няньцзи лиши цзяокэшу 2002, с. 65], цит. по: [Rui 2015, p. 35].

¹⁰ «Век национального унижения» (*бай нянь го чи* 百年国耻), букв. «столетний позор государства» – термин, которым обозначают период, начавшийся с серии неравноправных договоров цинского Китая с западными державами во второй трети XIX в. и завершившийся с созданием Китайской Народной Республики в 1949 г.

¹¹ Как замечает историк Вильям Каллахан, за период 1947–1990 гг. среди научных публикаций на китайском языке (из фондов Национальной библиотеки Китая) практически нет работ, посвященных проблеме «национального унижения» Китая [Callahan 2006, p. 185].

Усиление внимания к проблематике борьбы с внешними захватчиками с началом «виктимизации» Китая в конце 1980–90-х гг. проявилось в создании множества новых памятников и мемориалов, которые напоминали не только о героизме китайских солдат, но и о страданиях, которые пришлось пережить людям в военное время. К их числу относятся такие крупные музейные комплексы, как Мемориальный музей памяти жертв Нанкинской резни (*цинъ хуа жи цзюнь наньцзин да туша юйнань тунбао цзиняньгуань 侵华日军南京大屠杀遇难同胞纪念馆*) (г. Нанкин, открыт в 1985 г.), Музей войны сопротивления китайского народа японским захватчикам (*Чжунго жэньминь кан жи чжаньчжэн цзиняньгуань 中国人民抗日战争纪念馆*) (г. Пекин, 1987 г.), Музей истории 18 сентября (*Цзю и ба лиши боугуань 九一八历史博物馆*) (г. Шэньян, 1992 г.). Некоторые учёные отмечают существенную разницу во внешней архитектуре памятников и внутреннем обустройстве музеев, которые были созданы до 1980-х гг., и тех мемориалов, которые появились лишь в последние десятилетия XX в. [Buruma 1999; Denton 2007a, p. 248; Mitter 2000, p. 285]. Если памятники в эпоху Мао Цзэдуна – это, как правило, устремлённые ввысь стелы, где на барельефах изображены физически сильные люди, готовые дать отпор врагу, то более поздние мемориальные комплексы отличаются асимметрией, отсутствием стройности архитектурных форм и композиций с изображением героев. Новые мемориалы погружают посетителя в некий хаос, отсутствие порядка в организации пространства, что можно трактовать как проявление бессмысленности и одновременно жестокости постигших людей бедствий [Denton 2007b, p. 13]. Взяв в качестве примера Мемориальный комплекс в память о жертвах Нанкинской резни, открытый в 1985 г., Кирк Дэнтон описывает его как довольно тяжёлое для восприятия пространство – оно наполнено тяжёлыми с психологической точки зрения символами (в частности, нестройные и асимметричные скульптуры погибших, изображение умирающих матери и ребенка и проч.), что, несомненно, вовлекает посетителя в те давно ушедшие события и заставляет сопереживать. Внутреннее обустройство музея и все экспозиции представляют собой не просто демонстрацию артефактов, а некое «эмоциональное простран-

ство», которое заставляет ещё раз переосмыслить все военные события, в том числе и преступления японской армии в Китае. Если мемориалы 1950–60-х гг. – это памятники доблести и славы, то мемориальные комплексы 1980–90-х гг. – это напоминание о смерти и страданиях, где сделан акцент на варварстве японских захватчиков [Denton 2007b, pp. 11, 13–14].

Очевидно, что одним из важнейших мотивов создания подобных мемориалов было намерение пробудить чувство патриотизма у населения. Демонстрация наиболее «травматичных» эпизодов истории должна была стать наглядным подтверждением того, что вплоть до середины XX в. Китай находился в угнетённом положении, когда был вынужден испытывать «национальное унижение» со стороны иностранных захватчиков, что, в свою очередь, должно было укрепить у населения чувство гордости за страну, наконец вставшую на путь экономического восстановления. Таким образом, военные эпизоды в китайской истории середины XIX – середины XX вв. – теперь не просто давно ушедшие в прошлое события, а вековая история страданий и последующего постепенного возрождения всей китайской нации, которое продолжается до сих пор под руководством КПК. Памятная надпись, оставленная Цзян Цзэмином 江泽民 (1926–2022) во время открытия Музея войны сопротивления после его реконструкции в 1997 г., прекрасно отражает суть проводимой тогда просветительской политики: «[Будем] высоко держать знамя патриотизма, воспитывать людей посредством истории, развивать китайский национальный дух и возрождать Родину» 高举爱国主义旗帜，以史育人；弘扬中华民族精神，振兴祖国 [Чжунго жэньминь кан Жи... 2008].

Основные принципы обновленного образования, основой которого стало воспитание молодёжи в духе патриотизма, содержатся в двух базовых документах, принятых по инициативе Цзян Цзэмина и опубликованных в августе 1991 г.: «Общие принципы усиления [преподавания] в начальной и средней школе Новой и Новейшей истории Китая и страноведения» 中小学加强中国近代、现代史及国情教育的总体纲要 [Гоцзя цзяюэй... 1991] и «Уведомление по поводу реализации образования, [основанного на] патриотизме и революционных традициях со всемерным привле-

чением [в процесс обучения] культурных памятников» 关于充分运用文物进行爱国主义和革命传统教育的通知 [Гуаньюй чунфэньюньюн... 1991]. В документах особенно подчеркивалась важность обязательного посещения студентами и школьниками всех возрастов исторических музеев, мемориальных комплексов и мест боевой славы. Как указано ещё в одном директивном документе, опубликованном в 1994 г. («Принципы реализации патриотического воспитания» 爱国主义教育实施纲要), все эти мероприятия должны быть непосредственно включены в учебный процесс так, чтобы посещение музеев и мест боевой славы в памятные даты стало бы своего рода «живым учебником», из которого молодёжь «черпала бы знания по истории и проникалась духом патриотизма и гордостью за свою страну» [Айгочжуи цзяюй... 2021]. В 1995 г. было выбрано 100 объектов, которые должны были стать «базами патриотического воспитания» (айгочжуи цзяюй цзиди 爱国主义教育基地), обязательными для посещения учащимися, военнослужащими и государственными служащими. Из числа этих объектов 40 – места воинской славы, где китайские солдаты сражались с иностранными захватчиками, а также мемориальные комплексы и исторические музеи, из которых половина посвящена исключительно японо-китайской войне 1937–1945 гг. [Wang 2012, p. 794] Со временем количество таких объектов увеличивалось, дополнительные «базы патриотического воспитания» как провинциального, так и общегосударственного уровня были анонсированы в 2001, 2005 и 2009 г. Хотя экскурсии в исторические музеи и поездки к местам боевой славы входили в школьное обучение и ранее, однако позиционирование этих мероприятий в качестве одного из важнейших методов «патриотического воспитания» в официальных документах произошло только в 1990-е гг. Создание официального каталога подобных «баз», их систематизация и расширение списка объектов свидетельствует об особом внимании властей к историческому образованию молодёжи.

Подобные выездные уроки, дополнившие занятия в классе, обновленная учебная программа по историческим дисциплинам, усиленное внимание общественности и СМИ к преступлениям японской армии в период военных действий в Азии, несомненно,

сказывались на росте националистических настроений в 1990-е гг. Есть предположение, что именно кампания «патриотического воспитания» (*айгочжун цзяюй* 爱国主义教育) стала основным фактором, который способствовал росту антизападных и антияпонских настроений в стране в конце XX – начале XXI вв.¹² Неслучайно основные участники акций протеста – молодёжь, период обучения которой попал на конец 1980-х – 1990-е гг. Это те люди, которые не были участниками либо свидетелями военных событий прошлого и у которых отношение к внешнему миру и, в частности, к Японии было сформировано в рамках действующей системы «патриотического воспитания». В этих же условиях у них сформировалась и память о войне сопротивления (некоторые исследователи называют её «новой памятью о прошлом» [Rui 2015, p. 29–30]). К этому также следует добавить экономический фактор – чувство гордости за свою страну, обусловленное определёнными успехами Китая в сфере экономики, что, вкупе с особым вниманием общества к проблематике Второй мировой войны и связанной с этим «виктимизацией» Китая, приводило к ещё большей неуступчивости по отношению к японской стороне.

Неудовлетворённость позицией Токио по вопросам исторического прошлого и готовность Пекина предпринять меры в ответ на «забвение истории» японской стороной прослеживается и в заявлениях руководства КНР. Из речи Цзян Цзэминя во время его беседы с премьер-министром Японии Обути Кэйдзо 小渊惠三 в период государственного визита председателя КНР в Токио в ноябре 1998 г.: «...Приходится с сожалением отметить, что в Японии периодически происходят инциденты, когда отдельные исторические факты искажаются либо вовсе не признаются. Всё это оскорбляет чувства народов, подвергшихся в прошлом агрессии, и вредит двусторонним связям. Китай отстаивает справедливые оценки исторических событий и выступает за выработку политической основы японо-китайских отношений (имеется в виду борьба

¹² 1999 г. – массовые акции протеста в ответ на бомбардировки посольства КНР в Белграде, 2005 г. – акции протеста в связи с заявкой Японии на вступление в Совет Безопасности ООН, 2012 г. – массовые протесты после национализации Японией островов Дяоюй-дао 钓鱼岛 / Сэнкаку-сёто: 尖閣諸島.

с гегемонизмом и осуждение агрессии Японской империи в Азии. – Прим. авт.). В сложившихся условиях Китай не может не предпринять необходимые ответные меры. [...] Надеемся, что Япония сможет сдерживать те силы, которые пытаются исказить историю и не признают очевидные исторические факты» [Цзян Цзэминь фанвэнь... 2001]. Наиболее известные высказывания Цзян Цзэминя о необходимости помнить свою историю и учитывать события прошлого при выстраивании современных взаимоотношений со странами: «[следует] извлекать урок из истории и смотреть в будущее» (и ши вэй цзянь, мянь сян вэйлай 以史为鉴, 面向未来, букв. – «воспринимая историю как [поучительное] зеркало, обращаться лицом в будущее»), «твердая память о прошлом – лучший советчик для будущего» (цзянь ши бу ван, хоу ши чжи ши 前事不忘, 后事之师, букв. – «прежних дел забывание – дел последующих учитель»)¹³.

Впрочем, кампания «патриотического воспитания» и усиленное внимание к преступлениям японской армии во время войны не всегда встречали одобрение в китайском обществе. Некоторые учёные и преподаватели вузов выступали с критикой обновленной программы исторического образования, указывая на однобокость в освещении многих событий. Одним из первых и наиболее активных критиков обновления учебников по истории являлся профессор Университета им. Сунь Ятсена Юань Вэйши 袁伟时, который выступал против переписывания текстов учебников с целью добавить больше примеров патриотизма в тех случаях, где это было не вполне уместно с исторической точки зрения (в частности, Юань Вэйши критиковал определение Боксерского восстания (1898–1901) как «выдающегося проявления патриотизма», подчеркивая, что в учебниках умалчивается о разбоях и преступлениях участников этого восстания [Юань Вэйши... 2010])¹⁴.

Реакция японской общественности на проведение в Китае политики «патриотического воспитания» была резко отрицатель-

¹³ Речь Цзян Цзэминя по случаю празднования 30-летия нормализации японо-китайских отношений: [Цзян Цзэминь: Чжун Жи лян го... 2002].

¹⁴ Некоторые заметки этого ученого в газете «Чжунго циннянь бао» 中国青年报 («Китайская молодёжь»), где было опубликовано большинство его работ, были впоследствии отозваны [Wang 2008, p. 801].

ной. Позднее, когда весной 2005 г. в КНР прошли масштабные антияпонские демонстрации, министр иностранных дел Нобутака Матимура 町村信孝 напрямую связывал рост националистических и антияпонских настроений в Китае с политикой «патриотического воспитания», развернутой в 1990-е гг. [Halloran 2005]. В японских СМИ указывалось, что программа «патриотического образования» базируется исключительно на антияпонской пропаганде, основанной на «раздувании» проблем исторического прошлого [Hanabusa 2005]. Согласно социологическим опросам газеты «Асахи», более 80% японцев считали, что случившиеся протесты были вызваны новой образовательной кампанией в КНР. Опросы более позднего периода также свидетельствуют о том, что значительная доля населения Японии связывает проблемы в японо-китайских отношениях с «антияпонским образованием в Китае»¹⁵.

Подобная оценка политики «патриотического воспитания» часто встречается в работах западных учёных [Callahan 2006; Sneider 2013], однако китайские исследователи пытаются опровергнуть мнение, что именно просветительская политика властей оказалась решающим фактором, повлиявшим на рост национализма в Китае [Е Цзычэн... 2005; Qian et. al. 2017]. Авторы приходят к выводу, что официальная пропаганда и дополнительные уроки «патриотического воспитания» в школе имели незначительный эффект¹⁶. По результатам социологических опросов, проведенных в школах и вузах Китая, гораздо большее влияние на формирование памяти о войне у молодежи оказывала семья (воспоминания родственников о войне) и информация из интернета. Как подчеркивают авторы статьи «Приводит ли историческое образование к росту

¹⁵ Подробную информацию о проведенных опросах, а также о восприятии Китая в Японии в связи с актуализацией проблем исторического прошлого см.: [Кульнева 2019].

¹⁶ По мнению авторов статьи, основные причины такого явления следующие: изменение формы и содержания учебников истории не является столь критичным для реального учебного процесса, поскольку всё зависит от фактического использования этих материалов учителем во время аудиторных занятий; возможности учителя передать студентам определённую модель восприятия тех или иных событий ограничены; молодые люди, будучи активными пользователями интернета, в большей мере подвержены его влиянию, поэтому скорее доверяют не учителю, а информации из сети Интернет [Qian et. al. 2017, p. 199].

национализма в Китае?», политика «патриотического воспитания» хотя и оказала определённое влияние на восприятие военных событий молодежью (в основном за счёт «выездных уроков» на «базы патриотического воспитания»), однако было бы ошибочным полагать, что только она обусловила рост национализма в КНР. Эта политика оказалась скорее катализатором процессов, происходивших в стране в то время [Qian et. al. 2017, p. 209–210].

Место исторической памяти в японо-китайских отношениях 1990-х гг.

Если 1980-е гг. в КНР можно считать периодом переосмысления собственной истории в связи с пересмотром событий военного времени в Японии, то в 1990-е гг. обвинения в адрес Токио в том, что страна до сих пор не «раскаялась» в военных преступлениях, «выбеляет» историю своего военного вторжения и теперь вновь может стать площадкой для восстановления милитаризма, стали озвучиваться всё чаще. В итоге, в силу ряда политических и экономических факторов как внутреннего, так и внешнего характера, а также в условиях реализации «патриотически-ориентированного» образования, последнее десятилетие XX в. и начало XXI в. были отмечены явным ростом националистических, а вслед за этим и антияпонских настроений. Однако при этом, запустив кампанию по «обновлению» памяти о войне сопротивления в 1980-е гг., к концу 1990-х гг. китайское руководство уже не могло полностью контролировать нарастающие антияпонские настроения в обществе, которые теперь уже были не вполне выгодны для государства из-за осложнения отношений с Японией [Reilly 2004, p. 277].

Одним из примеров «раскручивания» проблем истории, которое не исходило напрямую от государства, но при этом получило большой отклик как внутри страны, так и за рубежом, – это появление в середине 1990-х гг. т. н. «историков-активистов», публиковавших в огромном количестве материалы о японской агрессии (исследователи указывают, что эти учёные проживали не только на территории Китая, но и за его пределами и были автономны друг от друга) [Chan 2018, p. 46; Reilly 2004, p. 277]. Хотя нельзя сказать, что

власти КНР высказывались против этих публикаций, однако говорить о государственном заказе на такие исследования тоже не приходится. Яркими примерами резонансных зарубежных публикаций могут служить выход в США монографии американской журналистки А. Чан «Изнасилование Нанкина: забытый Холокост Второй мировой войны» в 1997 г. [Chang 1997] и публикация в Германии в том же году (на английском языке – в 2000 г.) дневника немецкого коммерсанта И. Рабе «Правда о Нанкине» [The Good German of Nanking 2000], которые были сфокусированы на описании преступлений японской армии в период войны¹⁷. Обе книги имели большой резонанс в США (книга А. Чан стала бестселлером), практически сразу после их публикации они были переведены на японский язык. Примечательно, что критика японскими «историками-ревизионистами» указанных работ практически сразу натолкнулась на ответную критику со стороны учёных из США и Европы, которые обвинили японских исследователей в «отрицании Холокоста по-японски» [Молодяков 2011, с. 271]. В результате роста антияпонских настроений в США и особого внимания СМИ к преступлениям японской армии ассамблея штата Калифорния в 1999 г. приняла резолюцию, где требовала от Токио озвучить новые извинения за Нанкинскую резню и выплатить компенсации пострадавшим [Молодяков 2011, с. 270].

Ещё одним подтверждением того, что руководство КНР далеко не всегда являлось инициатором антияпонской риторики, может служить начатая в 1991 г. кампания с требованием выплатить компенсации странам Азии за ущерб в ходе военной агрессии. Некоторые учёные подчёркивают, что эта кампания была инициирована неправительственными структурами за пределами Китая [Jian 2007, p. 25]. Более того, власти КНР не поддержали эту идею – в 1992 г. ВСНП отклонило законопроект с требованием от Японии выплатить китайской стороне 180 млрд долл. в качестве компенсаций за ущерб в ходе войны [Семин 2008, с. 61–62]. Негосударственные средства массовой информации и интернет-пространство также нередко становились площадкой для выражения мнения разного рода акти-

¹⁷ Подробный анализ этих работ см.: [Молодяков 2011, с. 268–273]. См. также: [Касимова 2016].

вистов, которые озвучивали требования о компенсациях жертвам японской агрессии (в т. ч. бывшим «женщинам для утешения»).

Примечательно, что как раз в этот период внешнеполитический курс Токио стал в большей мере направлен на восстановление доверия со странами Восточной Азии после резких протестов этих стран по поводу произошедших в 1980-х гг. инцидента с учебниками и визитом Я. Накасонэ в Ясукуни. Стремление руководства навсегда покончить с «неудобными» вопросами прошлого, которые создавали негативный образ Японии за рубежом и отрицательно сказывались на взаимоотношениях с соседними странами, проявилось в беспрецедентном шаге – «политике извинений», когда в течение всего последнего десятилетия XX в. представителями властей в разной форме были озвучены извинения за действия Японской империи в первой половине XX в. Самыми полными из них стали «извинения Мураямы» – заявление премьер-министра Мураямы Томиити 村山富市, озвученное им по случаю пятидесятилетней годовщины окончания войны на Тихом океане в августе 1995 г.

1992 г. стал знаковым в истории японо-китайских отношений – в этом году состоялся первый за многовековую историю связей между Китаем и Японией визит японского императора Акихито 明仁 в КНР, прошедший 23–28 октября. Его приезд был приурочен к 20-летию нормализации отношений между Токио и Пекином, так что визит императора в эту памятную дату и озвученные им извинения за страдания, которые пришлось пережить китайскому народу в период войны, позволили говорить об «особом» характере двусторонних связей [92 нянь Жибэнь тяньхуан... 2019]. Впрочем, несмотря на высокую миссию визита Акихито в Пекин, его приезд сопровождался провокациями с китайской стороны вблизи спорных островов Дяоюй-дао/Сэнкаку, которые в феврале того же года Пекин официально включил в состав страны согласно Закону КНР о территориальных водах и прилегающих к ним зонах 中华人民共和国领海及毗连区法¹⁸. Так что говорить о полной

¹⁸ Данный закон был принят 25 февраля 1992 г., он определял, что Тайвань и все прилегающие к нему острова, в том числе Дяоюй-дао/Сэнкаку, являются частью территории КНР. Принятие этого закона вызвало негативную реакцию со стороны Токио, который потребовал отменить или изменить его [Кульнева 2022, с. 188].

и окончательной нормализации японо-китайских отношений даже по прошествии 20 лет после подписания межправительственного соглашения было рано.

Предпринятые Японией усилия по улучшению отношений со странами Азии пришлось на период, когда в Китае продолжали нарастать антияпонские настроения, вызванные возобновлением внимания к военным событиям и связанным с этим ростом национализма. Можно сказать, что инерция этой волны недовольства в связи с «раскрученными» вопросами прошлого оказалась слишком большой для того, чтобы разом приостановить охлаждение японо-китайских отношений и восстановить взаимное доверие. Помимо этого, важным фактором, который препятствовал потеплению японо-китайских отношений, стали опасения Японии по поводу угрозы со стороны КНР после проведённых ею ядерных испытаний в 1995 г.¹⁹ Китайская сторона, в свою очередь, осталась недовольна действиями Токио – Япония выступила с критикой ядерных экспериментов и приостановила выдачу грантов по линии официальной помощи развитию (ОПР)²⁰. Напомним, что Китай всегда воспринимал ОПР как должное и после приостановки грантов указывал, что предоставляемая Японией экономическая помощь не сопоставима с тем ущербом, который был нанесён в период войны²¹. Такой подход, очевидно, не мог способствовать японо-китайскому сближению.

В 1996 г. вновь стала актуальна проблема суверенитета над островами Дяюй-дао/Сэнкаку после того, как японское правительство приняло решение о введении 200-мильной особой эко-

¹⁹ В 1995–1996 гг. произошла временная эскалация военной активности в зоне Тайваньского пролива – в период подготовки президентских выборов на Тайване вооружённые силы КНР провели учебные пуски боевых ракет вблизи пролива, после чего США в качестве ответной силовой демонстрации направили в эту зону боевые корабли.

²⁰ Официальная помощь в целях развития (ОПР) – оказание Японией помощи развивающимся странам АТР (гранты, займы, техническая помощь), реализовывалась с середины 1950-х гг. и выполняла роль дополнения к послевоенным репарациям. КНР начала получать ОПР с 1979 г. после подписания Договора о мире и дружбе между Японией и Китаем (1978 г.), вплоть до 1996 г. Китай являлся основным реципиентом ОПР. Помощь была прекращена в марте 2022 г.

²¹ О роли ОПР в японо-китайских отношениях в 1980–2000-х гг. см.: [Коврин 2012].

номической зоны вокруг Японии, таким образом вновь подтвердив свои претензии на спорные острова. Обострение ситуации в Тайваньском проливе в 1995–1996 гг.²² также негативно сказалось на двусторонних отношениях. Неоднозначность позиции японской стороны в отношении Тайваньского вопроса всегда воспринималась чувствительно в Китае. Власти КНР традиционно считают поддержку Токио особого статуса Тайваня и присоединение острова к числу районов, на которые с 1997 г. распространяется ответственность японо-американского альянса²³, одним из факторов роста антикитайских настроений среди тайваньцев. В ситуации, когда «Пекин стремится к “мирному объединению”, а Тайбэй – к “мирному расколу”» [Чугров 2014, с. 134], Япония предпочитает воздерживаться от прямых заявлений по поводу статуса КР, которые могли бы осложнить тесные японо-тайваньские отношения. Хотя тайваньский вопрос сам по себе не имеет прямого отношения к проблемам интерпретации японской агрессии в материковой части, однако китайская сторона нередко увязывает двойственность позиции Токио по этому вопросу с ответственностью за военные преступления. Такая связь становится дополнительной основой для антияпонских настроений в КНР на основе чувств патриотизма и национализма (когда Япония представляется как страна, не только не желающая отвечать за ошибки прошлого, но и препятствующая законному воссоединению материка с островом, который когда-то находился под её колониальным управлением²⁴). По поводу отношения Токио к «тайваньской проблеме» Цзян Цзэминь отмечал, что «позиция Японии в отно-

²² В 1995–1996 гг. произошла временная эскалация военной активности в зоне Тайваньского пролива – в период подготовки президентских выборов на Тайване вооружённые силы КНР провели учебные пуски боевых ракет вблизи пролива, после чего США в качестве ответной силовой демонстрации направили в эту зону боевые корабли.

²³ В 1997 г. были приняты новые «Руководящие принципы сотрудничества США и Японии в сфере обороны», в соответствии с которыми Тайвань входил в число «окружающих Японию районов» и, таким образом, попадал в зону ответственности альянса за безопасность в АТР.

²⁴ Тайвань был передан Японии по условиям Симоносекского договора после завершения китайско-японской войны 1894–1895 гг. и находился под её колониальным управлением до окончания Второй мировой войны.

шении тайваньского вопроса противоречит интересам китайской нации. [...] Хотя Япония уважает позицию КНР в отношении того, что Тайвань – это неотъемлемая часть Китая, в позиции японской стороны ещё есть определённые ошибки, касающиеся понимания тайваньского вопроса» [Цзян Цзэминь фанвэнь... 2001].

Неоднозначность позиции Токио проявлялась и в общих оценках японской политики первой половины XX в. – несмотря на извинения, которые неизменно озвучивало руководство страны, часть правоконсервативных парламентариев и крупных чиновников выступали с заявлениями, расходящимися с официальной линией. Наглядным примером того, что японская элита была отнюдь не однородна в своих оценках не только событий прошлого, но и проводимой властями «политики извинений», может служить тот факт, что в день, когда премьер-министр Т. Мураяма приносил извинения за японскую агрессию, несколько министров посетили храм Ясукуни. Такие действия японской стороны вселяли сомнения в китайском обществе по поводу искренности приносимых извинений²⁵.

Некоторое потепление в отношениях Японии и КНР, казалось, намечалось в 1997–1998 гг., когда Токио предпринял попытку наладить диалог с Пекином. Инициатива исходила от премьер-министра Хасимото Рютаро 桥本龙太郎, выдвинувшего концепцию «евразийской дипломатии», в рамках которой в отношении Китая были определены четыре принципа: «взаимопонимание, активизация диалога, расширение сотрудничества и совместная деятельность по строительству нового мирового порядка» [Семи́н 2008, с. 9]. В период 1997–1998 гг. прошло несколько встреч на высоком уровне, в том числе визит Р. Хасимото в Пекин в сентябре 1997 г., приуроченный к 25-летию восстановления японо-китайских отношений, и официальный визит Цзян Цзэминя в Токио в ноябре 1998 г., когда отмечалась 20-я годовщина подписания Договора о мире и дружбе. Несмотря на целый ряд усту-

²⁵ О роли синтоистского святилища Ясукуни в жизни японского общества и проблеме посещения этого храма во внутривнутриполитическом дискурсе см.: [Кульнева 2020; Молодякова 2017]. О восприятии озвученных японской стороной извинений и связанном с этим недопониманием между Пекином и Токио см.: [Кульнева 2021].

пок японской стороны в отношении Китая²⁶, все встречи проходили трудно – сроки визитов часто переносили из-за невозможности согласовать текст готовившихся к подписанию документов. Как отмечает А. В. Семин, несмотря на активное экономическое сотрудничество между странами в 1990-е гг., политический диалог практически не приводил ни к каким результатам: «двусторонние переговоры топчутся на месте, движения вперёд не происходит, отсутствует какой-либо прогресс в разрешении целого ряда давних проблем» [Семин 2008, с. 47].

Визит в Токио Цзян Цзэминя в ноябре 1998 г., ставший первым официальным визитом председателя КНР после нормализации отношений, не оправдал ожиданий и вызвал неоднозначную реакцию как в Японии, так и в Китае. Вопросы истории снова дали о себе знать – китайская сторона настаивала на конкретизации подхода японских властей относительно военного прошлого и статуса КР, ожидая извинений, аналогичных тем, что были озвучены Южной Корее во время визита президента Ким Дэ Чжуна в Японию в том же году. Японская сторона, в свою очередь, утверждала, что извинения Китаю уже были принесены в совместном заявлении 1972 г. и отказалась фиксировать их в тексте готовящейся к подписанию Совместной декларации о стремлении к партнёрству в духе дружбы и сотрудничества. Важно отметить, что в тот момент Цзян Цзэминь не готов был гарантировать, что при выполнении просьбы китайской стороны проблемы прошлого не будут подниматься в будущем [Батакова 2017, с. 62–63]. Ещё на этапе подготовки визита в Токио он настаивал на том, что «по вопросам исторического прошлого никакого “последнего слова” быть не может» [Green 2001, 97 цит. по: Стрельцов 2022, с. 221]. Подчеркивая важность урегулирования вопросов политического харак-

²⁶ Перед визитом Р. Хасимото в Пекин в 1997 г. Токио объявил о намерении содействовать вступлению КНР во Всемирную торговую организацию (ВТО), японская сторона также дала согласие на финансирование строительства завода по утилизации химических боеприпасов, оставленных Японией на территории Китая после окончания Второй мировой войны. В процессе переговоров Токио объявил о готовности возобновить безвозмездную помощь китайской стороне, замороженную после ядерных испытаний КНР, а также предоставить кредиты (около 200 млрд иен) взамен приостановленной ОПР [Семин 2008, с. 43].

тера, во время самой встречи Цзян Цзэминь указывал, что «одна из главных проблем в отношениях между Японией и Китаем – это различие в трактовках событий прошлого» [Цзян Цзэминь фанвэнь... 2001].

Во время визита в Токио явно обозначилась и проблема оценки жертв японской агрессии. Со времени окончания Второй мировой войны официальная оценка потерь, понесенных Китаем во время войны сопротивления, повышалась китайскими властями несколько раз. В 1998 г. Цзян Цзэминь оценил количество погибших в войне в 35 млн человек²⁷, что в три раза больше тех оценок, которые озвучивала КПК в начале 1950-х гг. (около 9,3 млн человек)²⁸ [Coble 2007, p. 404]. Японская сторона трактует рост заявляемых Пекином потерь как антияпонскую пропаганду и манипулирование общественным мнением.

Из-за множества разногласий, возникших в ходе переговоров между китайской и японской сторонами, итоговая декларация так и не была подписана, а текст документа был подготовлен к публикации лишь после завершения переговоров. Встреча лидеров Японии и Китая в 1998 г. стала свидетельством того, что вопросы, касающиеся трактовки событий прошлого, могут серьёзным образом повлиять на политический диалог между странами.

«Политика извинений» 1990-х гг. породила в японском обществе надежды на окончательное примирение со странами Восточной Азии, однако в силу ряда обстоятельств, перечисленных выше, эти ожидания не оправдались, что вызвало критику со стороны консервативно настроенной части общества. Неготовность китайской стороны навсегда закрыть вопрос, касающийся извинений Токио за военное прошлое, приводило к определённой «усталости от извинений», которая стала всё сильнее проявляться в японском обществе. Становясь порой «разменной монетой» в урегулировании отношений между Японией и КНР, вопрос об извине-

²⁷ Этих же оценок КНР придерживается до сих пор.

²⁸ Эти подсчёты наиболее близки к тем оценкам, которые были приведены китайской стороной в официальной статистике за период 1937–1943 гг., – жертвами японо-китайской войны за эти шесть лет стали 7 млн 760 тыс. человек [Чжунго дуй Жи чжаньши... 1946].

ниях стремительно терял морально-этическую коннотацию и превращался в «дипломатическую рутину» [Стрельцов 2022, с. 220–221, 228]. Не получив долгосрочного эффекта от «десятилетия извинений», японская сторона стала склоняться к мнению, что такая стратегия оказалась ошибочной и даже контрпродуктивной, поскольку с этого момента вопросы исторического прошлого были выведены на уровень международной проблемы.

Подводя итоги, можно сказать, что «обновление» памяти об антияпонской войне в Китае, начавшееся в 1980-е гг. как переосмысление собственной истории, в 1990-х гг. переросло в полномасштабную кампанию по «восстановлению исторической справедливости», что проявилось, в частности, в обновлении исторического образования в стране и особой просветительской политике, нацеленной на воспитание китайской молодёжи в духе патриотизма и гордости за свою страну. В результате, в силу ряда политических и экономических факторов, как внутреннего, так и внешнего характера, а также в условиях реализации «патриотического воспитания», рубеж XX и XXI вв. был отмечен ростом националистических, а вслед за этим и антияпонских настроений в КНР.

Нерешённость проблем, связанных с интерпретацией событий военного прошлого, и неудачи в японской политике «примирения» с целью навсегда покончить с «неудобными» вопросами истории привели в дальнейшем к осознанию властями и обществом двух стран того, что необходимо сменить парадигму в отношениях со своим визави. В случае с Японией это проявилось в желании отойти от «мазохистского» понимания собственной истории и начать выстраивать отношения с соседними странами без оглядки на своё прошлое. В случае с КНР перемена подхода к двусторонним отношениям состояла в том, что китайское руководство стало более жёстко отстаивать свои позиции (это проявилось в первую очередь в территориальном споре вокруг островов Дяоюй-дао/Сэнкаку), активно привлекая к проблемным аспектам японо-китайских отношений мировое сообщество.

Источники и литература

На русском языке

1. Батакова 2017 – *Батакова А. А.* Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии с государствами Восточной Азии (конец XX – начало XXI вв.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГИМО МИД России, 2017.

2. Касимова 2016 – *Касимова Е. Н.* Нанкинская резня 1937 года в книге Айрис Чжан «Изнасилование Нанкина. Забытый холокост Второй мировой войны» // *Общество и государство в Китае*. Т. 46. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2016. С. 96–99.

3. Ковригин 2012 – *Ковригин Е. Б.* Китайско-японские отношения через призму официальной помощи развитию в 1980–2000-х годах. Япония. Ежегодник. 2012. С. 97–122.

4. Кульнева 2019 – *Кульнева П. В.* Место исторической памяти в восприятии Китая японским обществом // *Японские исследования*. 2019. № 4. С. 103–119.

5. Кульнева 2020 – *Кульнева П. В.* Посещение храма Ясукуни премьер-министром Дз. Коидзуми: взгляд со стороны Китая и Японии // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2020. Т. 11. № 12 (98). Ч. I. URL: <https://history.jes.su/s207987840010323-4-1/> (дата обращения: 28.07.2022).

6. Кульнева 2021 – *Кульнева П. В.* Лингвистические и социокультурные аспекты непонимания между японской и китайской сторонами по вопросам исторического прошлого (на примере извинений государственных лидеров Японии за агрессию в Китае) // *Международные отношения и общество*. 2021. Т. 3. № 1. С. 16–27.

7. Кульнева 2022 – *Кульнева П. В.* Вопросы исторического прошлого на повестке дня современных японо-китайских отношений. Гл. 5 // *Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями* / Под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 161–206.

8. Молодяков 2011 – *Молодяков В. Э.* «Нанкинская резня» и послевоенная Япония // *Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж*. М.: Моногатори, 2011. С. 250–274.

9. Молодякова 2017 – *Молодякова Э. В.* «Проблема святилища Ясукуни»: продолжение следует // *Япония: тотальная победа консерваторов. Избранные труды 2000–2016 гг.* / Под ред. В. Э. Молодякова, Е. Л. Катасоновой. М.: ИВ РАН, 2017. С. 179–192.

10. Перминова 2020 – *Перминова В. А.* Память о войне в Китае и ее влияние на современные японо-китайские отношения // *Электрон-*

ный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 12 (98). Часть I [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840010292-0-1/> (дата обращения: 10.09.2022).

11. Перминова 2021 – *Перминова В. А.* Память о войне в Китае и ее влияние на японо-китайские отношения в 50-х – начале 80-х годов XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 4: Востоковедение. С. 80–90.

12. Перминова 2022 – *Перминова В. А.* Японское колониальное наследие на Тайване как проблема исторического прошлого. Глава 4 // Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями / Под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Издательство «Аспект Пресс». 2022. С. 119–160.

13. Семин 2008 – *Семин А. В.* Японо-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденции (конец XX – начало XXI века). М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008.

14. Стрельцов 2022 – *Стрельцов Д. В.* «Дипломатия извинений» в отношениях Японии со странами Восточной Азии. Глава 6 // Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями / Под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 207–232.

15. Чугров 2014 – *Чугров С. В.* «Мягкая сила» Японии: китайское направление. Япония в поисках глобальной роли / Под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Восточная литература, 2014. С. 127–144.

На китайском языке

1. 92 нянь Жибэнь тяньхуан... 2019–92 нянь Жибэнь тяньхуан шуоуцы фан хуа 92 年日本天皇首次访华 (В 1992 году император Японии впервые посетил Китай) // Информационный портал «163.com». 25.03.2019. URL: <https://www.163.com/dy/article/EB4K00CP05453U9U.html> (дата обращения 27.07.2022).

2. Айгочжуи цзяюй... 2021 – Айгочжуи цзяюй шиши ганяо 爱国主义教育实施纲要 (Основные принципы реализации патриотического воспитания) // Информационный портал «Doc88.com». 30.03.2021. URL: <https://www.doc88.com/p-55059556040305.html> (дата обращения: 28.07.2022).

3. Гоцзя цзяовэй... 1991 – Гоцзя цзяовэй гуаньюй баньбу «Чжун сяо сюэ цзяцяян Чжунго цзиньдай, сяньдайши цзи гоцин цзяюй дэ цзунти ганяо» дэ тунчжи 国家教委关于颁发“中小学加强中国近代、现代史及国情教育的总体纲要”的通知 (Уведомление Государственного комитета просвещения о публикации «Общих принципов усиления [преподавания] в начальной и средней школе Новой и Новейшей истории и страноведения Китая») // Информационный портал «Law.lawtime.cn». 27.08.1991. URL: <https://law.lawtime.cn/d527883532977.html> (дата обращения: 28.07.2022).

4. Гуаньюй чунфэнь юньюн... 1991 – Гуаньюй чунфэнь юньюн вэньу цзиньсин айгочжуй хэ гэмин чуаньтун цзяоюй дэ тунчжи 关于充分运用文物进行爱国主义和革命传统教育的通知 (Уведомление по поводу реализации образования, [основанного на] патриотизме и революционных традициях со всемерным привлечением [в процесс обучения] культурных памятников) // База данных нормативных правовых актов. 28.08.1991. URL: <http://fgcx.bjcourt.gov.cn:4601/law?fn=chl338s826.txt> (дата обращения: 28.07.2022).

5. Е Цзычэн... 2005 – Е Цзычэн: чжунго айгочжуй цзяоюй бин фэй фаньжи цзяоюй 叶自成: 中国爱国主义教育并非反日教育 (Е Цзычэн: патриотическое образование в Китае вовсе не является антияпонским) // Новости Пекинского Университета. 03.07.2005. URL: <https://news.pku.edu.cn/xwzh/129-98040.htm> (дата обращения: 28.07.2022).

6. Цзю няньци лиши цзяокэшу 2002 – Цзю няньци лиши цзяокэшу 九年级历史教科书 (Учебник истории для 9 класса). Книга 4. Пекин: Жэньминь цзяоюй чубаньшэ 人民教育出版社, 2002.

7. Цзян Цзэминь фанвэнь... 2001 – Цзян Цзэминь фанвэнь Жибэнь тань лиши хэ Тайвань вэньти 江泽民访问日本谈历史和台湾问题 (Цзян Цзэминь обсуждает историю и Тайваньский вопрос во время визита в Японию) // Новостное интернет-издание «Taiwan.cn». 10.04.2001. URL: http://www.taiwan.cn/wxzl/zhyyl/jzm/200104/t20010410_35375.htm (дата обращения: 28.07.2022).

8. Цзян Цзэминь: Чжун Жи лян го... 2002 – Цзян Цзэминь: Чжун Жи лян го мэй жэньхэ лиу бу юхао бу хэцзо 江泽民:中日两国没有任何理由不友好不合作 (Цзян Цзэминь: у Китая и Японии нет причин не [жить] в дружбе и не сотрудничать) // Новостное интернет-издание «Chinanews.com.cn». 22.09.2002. URL: <https://www.chinanews.com.cn/2002-09-22/26/225402.html> (дата обращения: 28.07.2022).

9. Чжунго дуй Жи чжаньши... 1946 – Чжунго дуй Жи чжаньши суньши чжи гуцзи (1937–1943) 中国对日战事损失之估计 (1937–1943) (Оценка потерь Китая в войне с Японией (1937–1943)). Вып. 24 / Ред. Хань Цитун 韩启桐. Шанхай: Чжунхуа шуцзюй 中华书局, 1946. Электронная версия: URL: https://www.modernhistory.org.cn/#/Detailedreading?fileCode=9999_ts_08062566&treeId=176887658&contUrl=https%3A%2F%2Fkrwxk-prod.oss-cn-beijing.aliyuncs.com%2F9999_ts_08062566%2F9999_ts_08062566.json (дата обращения: 27.07.2022).

10. Чжунго жэньминь кан Жи... 2008 – Чжунго жэньминь кан Жи чжаньчжэн цзиняньгуань цзяньцзе 中国人民抗日战争纪念馆简介 (Краткое описание Музея войны сопротивления китайского народа японским [захватчикам]) // Новостное интернет-издание «Finance.cctv.com». 22.09.2008. URL: <http://finance.cctv.com/special/C22127/20080922/102723.shtml> (дата обращения: 28.07.2022).

11. Юань Вэйши... 2010 – Юань Вэйши: сяньдайхуа юй лиши цзяокаэшу 袁伟时：现代化与历史教科书 (Юань Вэйши: модернизация и учебники истории) // Новостное интернет-издание «News.sohu.com». 17.05.2010. URL: <http://star.news.sohu.com/20100517/n272166982.shtml> (дата обращения: 28.07.2022).

На английском языке

1. Buruma 1999 – *Buruma I.* The Joys and Perils of Victimhood // *New York Review of Books*. 08.04.1999. URL: <https://www.nybooks.com/articles/1999/04/08/the-joys-and-perils-of-victimhood/> (дата обращения: 27.07.2022).

2. Callahan 2006 – *Callahan W. A.* History, Identity, and Security: Producing and Consuming Nationalism in China // *Critical Asian Studies*. 2006. Vol. 38. No. 2. P. 179–208.

3. Chan 2018 – *Chan Yang.* World War Two Legacies in East Asia. China Remembers the War. London, New York: Routledge, 2018.

4. Chang 1997 – *Chang I.* The Rape of Nanking: the Forgotten Holocaust of World War II. N.Y.: Basic Books, 1997.

5. Coble 2007 – *Coble P. M.* China's "New Remembering" of the Anti-Japanese War of Resistance, 1937–1945 // *The China Quarterly*. 2007. No. 190. P. 394–410.

6. Coble 2011 – *Coble P. M.* Writing About Atrocity: Wartime Accounts and Their Contemporary Uses // *Modern Asian Studies*. 2011. Vol. 45. No. 2. P. 379–398.

7. Denton 2007a – *Denton K. A.* Horror and Atrocity: Memory of Japanese Imperialism in Chinese Museums // *Re-Envisioning the Chinese Revolution: The Politics and Poetics of Collective Memories in Reform China* / Ed. by Lee C. K., Yand G. Stanford: Stanford University Press, 2007.

8. Denton 2007b – *Denton K. A.* Negotiating the Memory of Japanese Imperialism in Chinese Museums // *The Asia-Pacific Journal. Japan Focus*. 2007. Vol. 5. Is. 10. P. 1–29.

9. Dian 2017 – *Dian M.* Contested Memories in Chinese and Japanese Foreign Policy. Oxford: Elsevier, 2017.

10. Green 2001 – *Green M.* Japan's Reluctant Realism: Foreign Policy Challenges in an Era of Uncertain Power. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2001.

11. Gries 2004 – *Gries P.* China's New Nationalism: Pride, Politics, and Diplomacy. Berkeley: University of California Press, 2004.

12. Halloran 2005 – *Halloran R.* Land of the Rising Sons // Новостное интернет-издание «South China Morning Post». 16.04.2005. URL:

<https://www.scmp.com/article/496754/land-rising-sons> (дата обращения: 28.07.2022).

13. Hanabusa 2005 – *Hanabusa Masamichi*. Has China Learned a Lesson? // Новостное интернет-издание «Japantimes.co.jp». 28.04.2005. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2005/04/28/commentary/world-commentary/has-china-learned-a-lesson/> (дата обращения: 28.07.2022).

14. Jian 2007 – *Jian Zhang*. The Influence of Chinese Nationalism on Sino-Japanese Relations // *China-Japan Relations in the Twenty-First Century: Creating a Future Past?* / Ed. by M. Heazle, N. Knight. Cheltenham (UK), Northampton (MA, USA): Edward Elgar Publishing, 2007. P. 15–34.

15. Mitter 2000 – *Mitter R*. Behind the Scenes at the Museum: Nationalism, History and Memory in the Beijing War of Resistance Museum, 1987–1997 // *The China Quarterly*. 2000. No. 161. P. 279–293.

16. Moore 2010 – *Moore G. J*. History, Nationalism and Face in Sino-Japanese Relations // *Journal of Chinese Political Science*. 2010. No. 15. P. 283–306.

17. Qian et. al. 2017 – *Qian Licheng, Xu Bin, Chen Dingding*. Does History Education Promote Nationalism in China? A ‘Limited Effect’ Explanation // *Journal of Contemporary China*. 2017. Vol. 26. No. 104. P. 199–212.

18. Reilly 2004 – *Reilly J*. China’s History Activists and the War of Resistance. *History in the Making* // *Asian Survey*. 2004. Vol. 44. No. P. 276–294.

19. Rose 2005 – *Rose C*. *Sino-Japanese Relations: Facing the Past, Looking to the Future?* London, New York: Routledge Curzon, 2005.

20. Rui 2015 – *Rui Gao*. Cacophonous Memories of the war: Revision of the Official Narrative on the War of Resistance Against Japan in post-Mao China and its Limitations. Chapter 2 // *Routledge Handbook of Memory and Reconciliation in East Asia* / Ed. by M. Kim. L.: Routledge, 2015. P. 26–46.

21. *The Good German of Nanking 2000 – The Good German of Nanking*. The Diaries of John Rabe. London: Time Warner Books UK, 2000.

22. Sneider 2013 – *Sneider D*. Textbooks and Patriotic Education: War-time Memory Formation in China and Japan // *Asia-Pacific Review*. 2013. Vol. 20. No. 1. P. 35–54.

23. Waldron 1996 – *Waldron A*. China’s New Remembering of World War II: the Case of Zhang Zizhong // *Modern Asian Studies*. 1996. Vol. 30. No. 4. P. 945–978.

24. Wang 2012 – *Wang Zheng*. *Never Forget National Humiliation: Historical Memory in Chinese Politics and Foreign Relations*. New York: Columbia University Press, 2012.